Текст · 20 июня 2024, 06:58
Дмитрий Швец,

Внутри наружки. Как в современной России следят за людьми — рассказывают бывшие опера негласного наблюдения

Кого берут в оперативно-поисковое бюро

Спортивный троечник, готовый выполнять приказы. — Загадочный седьмой факультет. — Жизнь в казарме. — Искусство ходить по лесу как гэрэушник. — «Требуются полицейские, работа интересная».

Сергей

Мама воспитывала меня одна и работала на трех работах, она хотела для меня стабильной работы. У меня было спортивное детство, одиннадцать троек в школьном аттестате и отсутствие приводов в полицию, думаю, это характеризовало меня как человека спортивного, но бесконфликтного и готового выполнять чужие приказы. Мы думали поступать в университет МЧС, приходили туда поговорить, но бюджетные места там были только на экономическом факультете — туда я бы не прошел. Но мы оставили им свои контакты. После этого нам позвонили из МВД и пригласили на беседу. Сейчас я думаю, что никакого понимания о будущей работе у меня тогда не было.

В 2013 году я поехал из своего города поступать в университет в Петербурге[1].

, попал на седьмой факультет. Факультеты там — экономической безопасности, оперативной деятельности, следственный и вот наш, седьмой. В универе половина не знала, что это за факультет, и мы ржали, говорили, кинологи. А на самом деле это еще из КГБ пошло, там седьмое — это было оперативно-поисковое управление.

На первом курсе я жил прямо в казарме. Это как армия: иногда мы спали по три часа, потому что всю ночь были проверки, и некоторые понимающие преподаватели отправляли таких, как я, спать на заднюю парту. Я красил газоны перед 9 мая, и в отпуск на каникулах отпускали, если ты покрасил стены в комнате. Один раз я покрасил в два разных оттенка, и пришлось полночи перекрашивать, чтобы с утра отпустили на поезд.

Если бы не покрасил, наверное, меня бы все равно отпустили, но потом на сессии слили бы. Так было с тремя: один был очень конфликтный, второй много пил, и его сильно буллили — он не знал, как определять время по часам со стрелками, и получал за это пощечины. Еще один через пару месяцев учебы сам понял, что что-то там не то, и отчислился.

С третьего курса появились всякие специальные дисциплины под грифом «секретно». Некоторые преподаватели, которые еще в 1990-е работали, были довольно компетентные, но учить не умели. Ходить по лесу нас учили бывшие сотрудники спецназа ГРУ. Ты должен идти по лесу и следить за человеком, и тут

из ниоткуда возникал препод и говорил: «Ты убит». А ты меня научи так ходить!

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Борис

Я туда попал случайно. В 2014 году искал стабильную работу и нашел на «Хедхантере» объявление а-ля «нужен полицейский». Мне было 24 года, откликнулся, на следующий день перезвонили. В жизни был дурацкий период. Объясняли очень расплывчато, что работа интересная.

На психологических тестах, пока сидел в коридоре, из кабинета был слышен вопрос: «А ты знаешь, кто такой оперуполномоченный? Чем занимается?». И в коридоре все стали гуглить. Дальше был центр спецподготовки, объясняли, как вести себя с преступниками.

Парик, накладные усы и документы на чужое имя

Документы прикрытия и легенда: страховой агент из Центра управления в кризисных ситуациях МЧС. — Конспиративные отделы. — Рация с проводом в рукаве и скрытая камера. — Голимые питерские парики. — Задание и объект. — Опера «гласные» и «негласные». — Жена друга оперативника. — «Первое, что впечатлило, — это вседозволенность».

Сергей

Так я попал в «опуху» — оперативно-поисковое бюро МВД. Первый месяц, пока тебе делают разные документы, ты работаешь с кем-то, кто несет за тебя ответственность. Меня приставили к сомнительной тетке, которая много кричала. Потом дали ксиву, левый паспорт и документы прикрытия — мне досталась корочка страховой компании на левые ФИО.

Например, вошел в подъезд, тебя там бабка или объект спрашивают: «Кто такой?». А ты отвечаешь: «Здрасьте, я из страховой». У некоторых был военкомат, а у меня — страховая.

На смене у тебя может быть несколько документов прикрытия для ситуативной работы. А еще — легенда для жизни. Легенду придумывает наша служба безопасности: меня определили в центр кризисных ситуаций МЧС[2]. Я говорил знакомым, что я первый старший сотрудник и мы занимаемся разработкой планов по эвакуации и пожарными инструкциями... В общем, вода.

Рабочий день устроен так. Вечером, часов в шесть-восемь, ты узнаешь, во сколько тебе нужно

прийти в отдел на следующий день. Отделов штук шесть на город, они все находятся под разными левыми вывесками. Можно заранее узнать, кто выписал задание на наружное наблюдение, например, уголовный розыск, экономические преступления[3] или Центр «Э».

Потом ты перед сменой получаешь рацию с наушником и кнопкой, которая подводится через рукав, скрытоносимую камеру, сменную одежду — нужно хотя бы три комплекта. Есть постижерские[4] средства — усы и парики, но они в Питере настолько голимые, что никто ими не пользуется. Хотя иногда по документам мы их берем — такие стандарты. Дальше мы идем к старшему оперативнику по особо важным делам (они как раз и ведут конкретные дела от наружки), и начинается инструктаж.

У нас проверяют оборудование и одежду, проверяют знание легенды, говорят номер задания, от кого пришло — и тут ты понимаешь, о чем оно будет. ОБЭП — это экономическое, угрозыск — это поинтереснее, бандитизм и автоугоны. Говорят данные: ФИО, даты рождения и регистрации, где живет, какая есть недвижимость и машины. О том, в чем подозревается, обычно говорят так, что «совершил автоугон» или «подозревается в экстремизме». Фабула может быть такой: Иванов Иван Иванович занимается экстремизмом и размещает экстремистскую символику, все. При тебе он живет обычной жизнью.

Иногда можно в процессе что-то узнать, например, твой старший опер созвонился с гласным опером[5], а

когда-то, наоборот, они не хотят, чтобы вы знали про объект.

Однажды мы работали за женщиной, она жила в центре, ездила на «Порше» и разрабатывалась по экономическим преступлениям — нам не дали ничего, кроме этого, никакой конкретики. На вторые сутки мы поняли, что она просто ездит по галереям, магазинам, детей забирает — какая-то херня. И потом пришли к выводу, что это была жена друга оперативника, который уехал в командировку и попросил посмотреть, не изменяет ли она ему.

Борис

Первое, что впечатлило, — это вседозволенность. ДПС и полиция нам не могут ничего сделать. Я сначала даже не верил, но потом и сам удостоверился, подумал: «Ну ничего себе!».

Обычный рабочий день оперативно-поискового бюро

Что такое «выставиться за объектом». — Смена: водители и пешеходы. — Менять номера в подворотнях. — «Связи». — Наружка всегда приходит заранее. — Свод условных выражений. — Не сфотографировал — не упоминай в отчете. — Что такое «потеря оперативной информации» и как ее скрыть.

Сергей

Получив задание, надо «выставиться за объектом», нам говорят время и место. Мы приезжаем. Одна

смена на задании — это обычно три-четыре машины, в каждой еще по три комплекта номеров: есть официальные, на которых надо выезжать из конторы и обратно, а другие надо менять во дворах и подворотнях. В каждой машине есть водитель и хотя бы один пешеход, и есть старший смены. В чем суть: надо записывать в блокнот и снимать на видео, чем занимается объект; если он с кем-то встречается, это «связь», и надо ее проследить, узнать, куда этот человек пойдет. Узнал, позвонил старшему — он говорит, что можно возвращаться.

Пока ждешь объект, надо изучить обстановку: подъезд, дом, шлагбаумы, выезды, есть ли ментовка, прокуратура или другие ведомства, которые могут помешать. Если известно, что у объекта назначена встреча на 14:00, то наружку поставят с 11-12 часов. Но если понимают, что это активный человек, то могут и пораньше: вдруг он перед встречей в воцапе договорился поменять место или у него еще планы как-то поменялись.

Вышел человек из дома, и я говорю в рацию условное выражение. В каждом городе есть свод условных выражений. В Питере они все вокруг медицинской, больничной тематики (раньше было про грузоперевозки, но кто-то это спалил), в Новгороде разговор строится на цифрах. Объект вышел в сторону шлагбаума — там уже стоят сотрудники, которые его встречают. А я жду на месте, сажусь в машину, там переодеваюсь, и мы дальше возвращаемся к слежке. Еще объектам дают условные наименования: может быть, «Черный» — человек из Армении.

Так день проходит, пока старший смены не говорит, что пора возвращаться в отдел и писать отчетность; она потом уходит гласным операм, которые и выдавали задание. Очень важно, чтобы все упомянутое было сфотографировано: система работает так, что если не сфотографировали, то лучше и не упоминать. Хотя мы понимаем, что если это было что-то очень важное, то придумываем причину: было темно, было много людей, машина перегородила сцену встречи — и все-таки этот эпизод в отчетности упоминаем.

Борис

Самое главное было запечатлеть человека на фото или видео. Классическая схема: в микроавтобусе сидит человек с камерой, и надо снять объект; если он вышел из дома, а мы его не сняли, то это уже потеря оперативной информации. И мы по распоряжению руководства не писали про это, хотя и ехали с домашнего адреса на какой-то другой.

Но про важное все-таки сообщали. Например, у человека была нарколаборатория, он ехал из Москвы в Петербург на машине с маячком, и она в какой-то момент пропала и дальше чудесным образом обнаружилась на лодочной станции, а его телефон потом отбился в другом регионе. Получилось, что мы дважды его потеряли, и нельзя не сообщить, что он исчез и появился. Его в итоге задержали, вроде наша миссия выполнена, но до этого мы сильно облажались, а он мог всякого натворить.

В основном мы работали за наркоторговцами и автоугонщиками; бывали мошенники, которые

отправляли покупателям коробки с мишурой вместо айфонов.

«Если провал — мы виноваты, если поймали преступника — это заслуга опера»

Соревнование МВД и ФСБ. — «Престиж — это ксива». — Десятичасовой рабочий день и выходной по четвергам раз в месяц.

Сергей

Всегда было соревнование между МВД и ФСБ. Изначально наша служба представлялась как элитное подразделение МВД, но по факту престиж — это влияние, ксива, а тут ты выходишь с работы и сдаешь ее. Если на выходных надо за кем-то присмотреть, то гласный опер выписывает задание и ты воскресенье проводишь, приглядывая за подъездом. Им ничего не надо делать, все сделает наружка. Если провал — мы виноваты, если поймали преступника — то это заслуга опера, а тебе дадут премию пять тысяч рублей в месяц.

В первый год моей работы наш начальник поставил гласным ультиматум: если хотите, чтобы наружка работала в выходные, то работайте вместе с ними. Выходные были выходными, или я просился, чтобы меня на утро ставили, а вечерами мог ходить на лекции, обучаться другой специальности. Потом начальник сменился, и бывало такое, что выходной в четверг тебе дали, но в целом месяц без выходных.

Рабочий день — это 10–11 часов, и считается, что начало — это когда ты приехал на точку.

Проверки и ожидание проверок

«Хотя бы раз в день приедет старший оперативник, начальник отдела или кто-то из службы безопасности». — Как просидеть в припаркованной машине восемь часов и не спалиться. — «Вас взорвали». — Никакого доверия.

Сергей

Серьезную часть работы надо просто ждать. На сменах никто не пьет, формально телефоны — только для карт, и пользоваться ими иначе нельзя, но, конечно, народ все равно играет и лазает в интернете. Книжки тоже лучше не читать: хотя бы раз в день должна быть одна проверка, приедет старший оперативник, начальник отдела или кто-то из службы безопасности. Он может спросить легенду, какие есть документы, одежда, как мы расставлены. Он может пройти мимо подъезда, где живет объект, и ты должен его увидеть, а если нет — хреново смотрел. Получается, я должен быть сконцентрированным на работе, а вместо этого я ищу начальника.

Что ты должен делать, пока ты сидишь в машине? Наблюдать за окружающей оперативной обстановкой. Окей, ты поизучал дворы два часа, а если ты стоишь восемь часов? Это очень палевно выглядит: сидят чуваки и по сторонам постоянно смотрят. А безопасник может подойти к твоей машине и положить коробку сзади, ты за 15 минут ее не заметил — он подходит и говорит, что вас взорвали.

Еще гласные опера могут нас проверять так. Например, они знают, что объект будет одновременно встречаться с двумя людьми, у них это прошло по прослушке, но нам говорят только про одного. Если мы не говорим про третьего, значит, соврали. Доверия тут нет.

«Здравствуйте, мы из военкомата». Оперативная установка

Что означает звонок в дверь с расспросами о соседях. — Когда к сотруднику ОПБ приходят из ОПБ. — Встреча однокурсников.

Сергей

Помимо нашего отдела скрытого наблюдения, в «опухе» есть отдел оперативной установки, это когда тебе звонят в дверь и говорят: «Здравствуйте, мы из военкомата, ищем беглеца, вроде бы он здесь жил». Если человек под левыми предлогами спрашивает, кто живет в подъезде, скорее всего, это не по твою душу, а за соседями.

Например, мы «привели» человека в какой-то подъезд, скорее всего, потом по этому подъезду сработает оперативная установка. На нас ее тоже выписывают, чтобы проверить, насколько мы честны с руководством и соблюдаем легенду.

Были ситуации, когда человек проводит установку, но он учился в университете с тем, на кого пришла установка. Вот они в подъезде встретились, и оба понимают, что происходит. По работе установка — это нормированный график плюс работа с людьми, в основном там работают девушки.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Дресс-код наружного наблюдения

О пользе неброских вещей. — «А вдруг у меня нож в кармане?». — Зачем оранжевая шапка тому, кто должен оставаться незаметным. — Искусство перевоплощения на смене. — Среднестатистическая «бабка», «научный сотрудник» и «ретровый дядька» из гаража.

Сергей

Строгого регламента по образам нет, но советуют иметь неброские вещи; мне даже давали деньги на летнюю и зимнюю куртки, я их купил в *Uniqlo*-. Должна быть куртка, в которой можно в говне изваляться, если надо в поле лежать с биноклем. Плюс это вопрос безопасности: я не хочу иметь одну куртку,

потому что не хочу, чтобы меня заметили и надавали по голове. Однажды я ехал в лифте с объектом, грабителем, и он сказал: «А вот вы за нами ходите, а вдруг у меня нож в кармане?». Я примелькался и попросил меня больше на это задание не ставить.

Хорошо иметь разные образы, шапки дебильные: надел оранжевую — ее и запомнят. Менять очки, походку, обязательно — обувь. Я за смену менял четыре-пять образов.

У нас работали люди разной внешности, все были славяне. Одну женщину за глаза называли бабкой, и она была на вес золота: какая-то потасканная тетка 55 лет, она подходила под среднестатистическую россиянку — зайдет за тобой в подъезд, ты и не заметишь. А был парень ростом метр девяносто восемь, но его быстро посадили работать в машину, микроавтобус. Такие часто стоят: кто-то паркует ее к месту слежки и уходит, а в кузове остается человек, который наблюдает.

По заданиям там ориентируются не по внешности: если опасная разработка, то будут ставить лучших. Все зависит от способностей, а не от внешних данных, хотя, конечно, если сотрудник — боксер, то он больше похож на мента. Но был один очень аккуратный, всегда причесанный, рубашка — больше похож на научного сотрудника. Другой любил копаться в своей «Волге», и у него руки были постоянно в мазуте, такой ретровый дядька, говорил: «Телефоны эти ваши...».

Профнепригодность, профессионализм и талант

Человек старой закалки, или «Здравствуйте, я опер, но я вам об этом не скажу». — Сложно ли пройти медосмотр, когда работаешь в ОПБ. — Глаза и уши, но не рот. — Кабинет с экранами во всю стену.

Сергей

Люди там работают уже не очень мотивированные и не очень способные. Один считался очень крутым, но, по-моему, он был крутой лет десять назад. Такой, старой закалки, у него классный опыт, но он мог пойти в клуб в брюках и рубашке: «Здравствуйте, я оперуполномоченный, но я вам об этом не скажу».

Требования на медосмотре очень низкие, да и вообще, один как-то стоял рядом с черным «Фордом» и не мог его найти — вот такие люди там иногда работают.

Нужно фотографировать, а не все понимали, что такое выдержка или диафрагма, ведь снимать надо в темных условиях, это надо знать вообще, чтобы нормально выполнять свою работу.

Классные ребята, например, носят с собой бланки из страховой компании, чтобы лучше влиться в образ, и переобуваются вплоть до кроссовок. Нужны хорошие актерские данные, нужно уметь импровизировать.

Например, зашел за объектом и оказался у последней двери в подъезде, нужно звонить. Откроют — я с «Авито» по объявлению. Нужно придумывать

какие-то вещи, которые меня не привяжут к этому месту. Контактировать и внедряться мне не надо: я глаза и уши, но ни в коем случае не рот.

Сейчас в работе наружки помогает, что камер стало больше, но они есть не везде. В Питере можно было через систему «Поток»[6] узнать, куда вы тачку потеряли, знаю, что есть целый кабинет со стеной в экранах. Тут еще вопрос технического обеспечения, именно в Питере оно хромает, лица мы по камерам не делали. К тому же те, что устанавливаются в подъездах, на блютус, часто глючат.

Провалы, спецсигналы и непроверяйки

В слежке могут сделать паузу, чтобы усыпить бдительность объекта. — Демонстративная слежка: «Заебали за мной кататься». — Как ставят маячок на машину. — Особенности слежки за коллегами-силовиками. — «Рабочие трубки» от собственной безопасности. — Когда машину ОПБ останавливает ГАИ. — «Где-то я тебя уже видел».

Сергей

Считается, что главное — не спалить наружку, лучше отпустить объект ненадолго. Но все равно нас замечали, иногда говорили: «Хватит ходить». В таких случаях могут отпустить слежку ненадолго, чтобы объект успокоился.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Могут ставить наружку, чтобы объект ее заметил. Мы работали за гаишником, он катался, пытался уехать. Однажды мы с утра приехали на точку к его дому, а он все не выходит. Потом смотрим, на лобовом стекле его машины записка: «Заебали за мной кататься, я уволился две недели назад». Видимо, ему так дали понять, что он засиделся на своем месте. Мы это, естественно, не писали в отчетность — расшифровались. На его машине тогда не было маячка: гаишник точно знал, где он крепится — магнитом под бампером, но там, где уже металлическая часть. Это надо залезть под машину и поставить его, одного коллегу так избили — заметили мужики во дворе, что он залез под машину их соседа.

В первые дни войны мы работали за замначальника РОВД. Он странно себя вел, очень нагло ездил на красный свет; мы передали в СБ, а нам ответили, главное — удержать его, даже если расшифруемся, видимо, тоже хотели дать понять.

Маргарита Юдина[7] как-то спалила наружку, и я знаю, кто за ней работал. Еще она как-то уходила от наружки, может быть, не сама — ей помогли.

Сложнее всего работать за матерыми преступниками или ментами. Был случай с полицейскими с Финляндского вокзала. Это конченое место, там много взяток, и как-то было задание: «барабан» —

барыга-стукач — сдавал покупателей, полицейские его задерживали, сажали в машину, пиздили и вымогали деньги, а потом отпускали.

Они отъехали на 20 минут от Питера, мы вели их до поворота на частный сектор. Первая машина, которая сразу за ними, едет дальше, а из второй на повороте вышел пешеход: там одна узкая дорога, и надо идти пешком, а не на машине, и посмотреть, что они там делают. Мы же не знаем, они к бабушке поехали или за закладкой.

Коллега увидел их в 50 метрах у дома, зафиксировал привязку к адресу и пошел обратно, а они поехали за ним. Потом мы по камере увидели, что они его затащили в машину, видимо, решили, что он забрал закладку, потому что подозрительно выглядел одинокий чувак с рюкзаком в частном секторе, где через пару домов уже начинается поле. Начали его бить и шмонать, наркотики не нашли, зато нашли блокнот, где записаны все их передвижения. Они быстро все поняли, потом подошел наш старший и поехали в отдел разбираться. В итоге их посадили.

В другой раз мы следили за сотрудниками прокуратуры, и там все телефоны вокруг запеленговали — нам потом запретили ими пользоваться ненадолго, говорили, что в 1980-х же работали без телефонов. Но мы их брали вопреки запрету. Ну и многие, кто контролировал сдачу личных телефонов, закрывали глаза на это, потому что телефон в работе может помочь сильно.

На смене официально разрешены рабочие трубки: там симку эсбэшники[8] покупали, приложение

устанавливали и блокировали возможность скачивать что-либо. А еще они ставили на рабочий телефон приложение с записью звонков, которое мы не могли выключить или удалить.

Но бывали и провалы, просто потому, что человек в телефоне залип и потерял объект. В целом наружка — это командная работа, и сотрудников стараются беречь, чтобы они не примелькались.

Борис

Мы работали за человеком, он заехал во двор в районе Среднего проспекта Васильевского острова. Мы с другим спутником зашли во двор, выставились во дворе, чтобы смотреть за автомобилем, куда выйдет объект, и на нас побежали три человека. Один показал удостоверение МВД, спросил, что я делаю. Я говорю, гуляю, у меня в поддельном паспорте и прописка рядом была. А он говорит: «Да твой кореш уже сознался, что вы — менты». Оказалось, у объекта были друзья в полиции, и он нас подставил под полицейских, чтобы те узнали, кто за ним присматривает.

Когда менты нас хотят остановить, первая машина останавливается, и слежку продолжает следующая. У нас вообще-то в фаре есть спецсигнал, но я ошалел, какие бывают тупые полицейские. Ты им моргаешь, они это должны знать все, а потом спрашиваешь: «Ты не видел, дядь, я тебе моргаю?». Он отвечает: «А откуда я знаю, может, фара сломалась?».

Помимо ксив, у нас есть еще предписание на транспортное средство, в простонародье

непроверяйка. Это запечатанный конвертик, там можно только через окошечко посмотреть цвет машины и модель. Полицейскому можно предложить его открыть, но тогда ему надо будет рапорт писать.

Еще слежку иногда замечают, но думают, что им показалось. Когда человека задерживают, его может снимать сотрудник наружки, и иногда задержанный говорит: «А-а-а, где-то я тебя уже видел».

Палочная система в наружке: «адреса» и «связи», которых нет

Как ОПБ вместо грабителей, автоугонщиков и наркоторговцев следило за подозреваемой в фиктивном трудоустройстве уборщицы из детского сада. — План по адресам и связям. — «Жесточайший левак». — Мужчины в очереди к маммологу.

Сергей

Отделы специализируются на разных заданиях. У нас в основном были автоугоны и похожий криминал. Бывают задания, на которых понимаешь, что ловишь преступников, и потом даже гордость берет: грабители, автоугонщики, наркоторговцы.

А бывало, следишь за бабушкой — гласные опера думают, что ее внук-преступник придет ее поздравить на праздник. Или работали за женщиной, которая была сотрудницей детского сада, и ей шили мошенничество: ее дочь была там же устроена уборщицей, но на работу не ходила, наверное, просто женщина там заодно мыла полы и получала зарплату.

Явно опера «палку» отрабатывали. Просто думаешь, а чем это закончится? Ее могут уволить или посадить.

И вот ты после смены описываешь каждый шаг: вышел из офиса, выкинул мусор и прочее — это может быть оперативно значимой информацией, но однажды просили описать высоту холки собаки. У начальника стреляет. Ты думаешь, мы зоологи?

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Дела так устроены, что мы особого рвения проявить не можем. Мы просто выполняем задания от гласных оперов, и нас тасуют. Бывает так, что неделю за объектом работаем, а дальше не знаем, что с ним происходит. Было так, что люди узнавали кого-то, за кем работали три года назад. Это обидно, видимо, человека задержали, и он дал на лапу. Не всегда становишься свидетелем финала историй, задержание может и не выпасть на твою смену.

И есть палочная система: тебе за месяц надо сделать сколько-то «адресов», то есть мест, куда объекты заходили, и «связей» — тех, с кем они контактируют. На инструктаже говорят: сделать четыре связи — и плевать, если объект не выходит из дома. Мы что делали: из подъезда выходит левый человек, ты его снимаешь, ведешь, устанавливаешь, где он живет — вот тебе левая связь, а потом пишешь, что связь с объектом установить не получилось, потому что тот находился дома. А тот человек попадает в отчетность, его по базам пробивают.

Борис

Были задания, в которых не хотелось расписываться. До принуждения доходило, это был жесточайший левак. Какого-то сотрудника учебного заведения хотели уличить во взятках. Мы стояли возле этого заведения. Оттуда вышел обычный человек, к нему подходит сотрудник, тыкает ксивой в лицо и говорит: «Скажи телефон и паспортные данные». И потом его записывают как связь, хотя человек просто вышел из здания.

Такое указание давало начальство: нужно найти связи у объекта, этих связей нужно было набить, «палки» надо было ставить. А там толпы людей, и когда был старший смены — парень не дурак, я ему говорю: «Жесткий левак, я не хочу подписывать». Он мне сказал: «Я ничего не могу сделать, мне сказали — я делаю». Человек хотел выслужиться.

Иногда чувствовалось, что полная хрень. Был врач-маммолог, вроде бы он якобы анализы подделывал. Мы сидели в коридоре больницы, на нас

уже охранник смотрел как на идиотов: мужики сидят в гинекологическом отделении. А хорошие задания — это когда адреналин, движуха.

Три истории об абсурде и глупости

Можно ли выдать гостайну отделу кадров МВД. — Как палочная система мешает раскрывать настоящие преступления. — 15–20% недокомплекта. — Машина ОПБ отвозит пьяного начальника в баню.

Сергей

У меня были выговор и неполное служебное соответствие.

Несоответствие дали за то, что я хотел перевестись на работу в другое подразделение. Я подал рапорт, а мой начальник отдела не стал докладывать об этом наверх — не хотел меня терять как боевую единицу. И получилось так, что руководство ОПБ узнало обо всем не от него, а от службы безопасности. Узнало и разозлилось. Мне предъявили, что я рассекретил себя перед кадровиками того подразделения, куда переводился — там ведь мой рапорт тоже видели и даже подписали! Но подобные документы все ходят через отдел кадров, выходит, я вообще никак не могу перевестись? Я считаю, это какое-то рабство. Правда, начальника в итоге вообще перевели куда-то на склад.

А мне звонили из СБ, играли в хорошего и плохого полицейского, сказали, что я выдал гостайну, что это

статья. Я понимал, что просто пугают: хотели бы посадить — со мной бы говорила ФСБ.

Выговор я получил, когда мы отрабатывали «мертвое» задание по скупке краденого. По фабуле, в палатке сидел мужчина, который покупал краденые телефоны. Но по факту туда просто заходили люди, которым надо было себе недорогой телефон на время купить. Вот мы смотрим за этой будкой: идет бабка, снимаем бабку на фоне будки, отследили до дома — есть связь. Так вся наша смена разъехалась устанавливать адреса этих псевдосвязей, остались я и старший смены.

В это время подошел чувак, он странно себя вел, дергался, стал из куртки доставать телефон за телефоном. Надо узнать, куда он пойдет, но и будку нельзя оставить. Старший смены скомандовал: подойди к нему с ментовской ксивой и устрой проверку документов.

Я подхожу: главное управление МВД, называю псевдоним, а он спрашивает, что случилось — разыскиваем беглеца, вы попадаете под описание. Он нервничает и не дает паспорт, а я включаю рацию и говорю: «То есть вы отказываетесь предоставить документы?». Подъезжает старший, открывает дверь машины и делает то, что вообще нельзя: говорит, садитесь в автомобиль, поедем в отдел. Этот отказывается, говорит, пусть приезжают люди в форме, и старший звонит в наш отдел.

Из отдела на задержание приезжает один сотрудник в форме и без пистолета, он усадил этого мужчину в машину и уехал; я думаю, он его высадил где-то за

поворотом, потому что был из службы безопасности. После этого мы стали договариваться: если работаем по кражам, то левые связи не делаем.

У нас и так по всем отделам недокомплект процентов 15–20, а бывало еще такое: мы ехали за человеком, который прятал прекурсоры для наркотиков в лесу. Три машины ехало, а потом водитель одной говорит, что возвращается. Какое возвращается, нас две машины остается, это мало! Потом выяснилось, что пьяный замначальника отдела захотел в баню.

А я проследил за объектом, он оставил прекурсоры. Лежу во влажном мху, звоню старшему оперу: за канистрами следить или за человеком? За канистрами. Полтора часа пролежал, приехали сменщики, и я уехал, а потом по радиоэфиру прошло, что за канистрами приехали клиенты.

Да, из-за некомплекта людей практически не увольняют. Один бухал и звонил, что не будет выходить на работу, так его приезжал уговаривать наш замначальника отдела.

Профессионалы слежки не верят в цифровой ГУЛАГ

И вот почему.

Сергей

Камеры и телефоны, вся техника — они не могут всего увидеть. Например, я сижу в машине и передаю деньги, которые добыл мошенническим путем, —

тут нужны люди, которые это зафиксируют, да даже человек не может все снять. Потому-то и бывает в отчетности приписка: «Со слов сотрудника».

Борис

Мое мнение: отслеживание по телефону и камерам не дает полного представления. Был человек на каком-то адресе, а что он там делал? Может быть, сына в школу отводил, а может быть, встречался с подельниками; фотографию сделать с фигурантом дела — это очень важно. Так что камеры и отслеживание — это только вспомогательные вещи. Мы пользовались камерами, чтобы по метро отследить человека, подключившись к системе «Безопасный город»[9], но и по всему метро нельзя человека провести, это ведь большая сеть, там может быть ремонт.

Что делать, если вы подозреваете слежку

«Главное — не подавать виду». — О пользе привычки пропускать людей вперед (не только из вежливости). — Как вести себя в банке. — В транспорте. — В подъезде. — И на улице.

Сергей

Главное — это не подавать виду, что ты все понял: тогда они начнут менять методы, могут поменять всю смену, могут «отпустить» тебя на пару дней. Иногда даже специально показывают, что за тобой смотрят, чтобы потом тебя успокоить — это я рассказываю со слов бывшего коллеги. У него друзья в ФСБ, и он

говорил, что у них такой метод есть. Мы в МВД так не делали.

Если за мной кто-то заходит в подъезд — это на уровне профдеформации, — я его вперед пропущу, залипну в телефон, но разговор заводить не стану.

На улице можно походить с телефоном туда-сюда аккуратненько, поглядеть в витрины. С улицы есть смысл зайти в банк, проверить, зашел ли кто-то за тобой. Потому что банк — это деньги, там интересно, и надо посмотреть, будет ли кто-то пытаться сесть в соседнее с тобой окошко. Плохой сотрудник встанет рядом и будет разглядывать буклетики, грамотный попробует оказаться рядом в очереди.

В общественном транспорте стоит встать сзади и смотреть, а кто едет за троллейбусом, но это надо делать аккуратно, потому что снаружи тебя тоже видят: в радиоэфире пройдет, что объект ведет себя странно.

Когда заходишь в подъезд, домофон лучше открывать ключом: если набрал номер квартиры, то, считай, спалил адрес. В подъезде за тобой попытаются зайти в лифт, чтобы узнать этаж, и его спросят первым, чтобы не оказалось, что вы едете на один этаж.

Для слежки за подъездом могут зайти в кафе и сказать, что проходят мероприятия, просим посодействовать, пусть у вас посидит сотрудник. Такое бывает и в подъездах: я сидел с консьержкой, она все выпытывала у меня, за кем работаю, а я не мог сказать, но она же видела, куда я смотрю на мониторе. В итоге весь подъезд знал, за кем мы работаем.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Борис

При слежке сотрудникам-пешеходам надо меняться хотя бы раз в полчаса независимо от того, видел тебя объект или нет. На многолюдной улице пофигу, но если это небольшая узкая улица, то сотрудники ходят сзади, но один — по противоположной стороне улицы. Это чтобы если человек свернул на перекрестке и остановился, можно было посмотреть: вдруг он курит или разговаривает, и тогда остальным не надо сразу за ним сворачивать.

Чтобы себя не выдать, попробуйте походить квадратами, посмотреть на перекрестках, что за люди ходят, потыкаться в телефон, поменять направление.

На машине можно попробовать ехать медленно по пустынной улице: если вы будете ехать 30 километров в час, то наружка вас обгонит.

Задания Центра «Э», политика и околофутбол

Как польские фанаты заметили слежку в питерском метро. — Будущий собеседник «Медиазоны» встречает корреспондента «Медиазоны». — На митингах наружка «устанавливает» самых активных и провожает до дома. — ОПБ ведет съемку тайком, а ЦПЭ — в открытую.

Сергей

Ты с вечера узнаешь задание, и когда это был Центр «Э», я старался уйти на больничный — получалось почти всегда, вообще на их делах специализировался другой отдел. Пару раз я работал за футбольными фанатами. Коллега рассказывал, что в метро его срисовали польские фанаты. Язык похожий, и он услышал, как они сказали примерно: «Смотри, я сейчас выйду из вагона, и этот чувак тоже выйдет, а я зайду обратно».

Одно задание от ЦПЭ было такое, что чувак производил оружие в гараже, но я тогда тоже слился. Надо было с утра вызвать врача и пить ледяную воду, чтобы горло покраснело, а про температуру я говорил, что сбил парацетамолом.

Но один раз пришлось пойти на какой-то митинг у Гостиного Двора. И вот ты там стоишь в толпе, надо смотреть, что кто-то разворачивает плакат или кричит лозунги, активничает. Там был ваш сотрудник[10], фотограф, которому сломали руку на избирательном участке. Или тебе говорят: «Вот видишь человека в черной шапке?». Можно включить дурака и сказать, что не видишь.

В тот день встала в пикет какая-то женщина лет пятидесяти, и мне сказали за ней работать. Я с ней сел в автобус и ехал, пока не сказали выходить на остановке, там в автобус зашел другой сотрудник, которого к остановке довезли на машине, маршрут автобуса ведь известен.

Был момент у Соловецкого камня[11], я там работал: надо было уцепить кого-то, кто кладет цветы, сфотографировать и установить, где он живет.

Мы снимаем незаметно на скрытоносимую аппаратуру, а те, кто снимает в открытую, скорее всего, эшники. В среднем с митинга надо было установить человек 15, это значит выяснить ФИО, которые можно соотнести с фотографией.

Есть история, что кто-то хотел над Невой вывесить баннер с моста, и пока чуваки ходили в магазин, наружка сперла их плакат, чтобы его не повесили. Не знаю, чья была инициатива, это было еще до меня.

Борис

Во время ЧМ-2018 по экстремизму мы работали за фанатами «Зенита», еще была информация, что двое парней из ФБК хотели облить краской фигуру Забиваки[12].

А я ходил смотреть футбол, и мне даже потом присылали фотки с камеры на стадионе: вот, достанешь фаер — сразу тебя обнаружим.

Жизнь под прикрытием

«Проще показать ментам корочку, чтобы не мешали работать». — Как сохранить отношения с семьей, девушкой и друзьями, если не можешь рассказать им о своей работе.

Сергей

Если есть вариант не показывать ментам свою ксиву, лучше не показывать. Бывало, сфотографировали схрон, и дальше нас на машине остановили менты — тогда проще показать корочку и сказать, чтобы не мешали работать. В администрации, военкомате и страховой есть твои данные. Менты могут либо позвонить в нашу службу безопасности, и там им подтвердят, либо в военкомате узнать список от МВД — им скажут, что да, такие у нас числятся.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

В жизни тоже надо придерживаться легенды. У меня, например, мама понимала, что я работаю в криминальной полиции, но она особенно в чужие дела не лезет. Начав работать, я параллельно стал учиться другой профессии, записался на курсы, а новым знакомым говорил, что работаю в центре МЧС.

Так у меня появился хороший друг, через него еще один, историк. Они знали мою девушку, а ее брат учился со мной в университете. Мы всем говорили, что отучились в Военном институте железнодорожных войск и военных сообщений, но я, по легенде, работал в МЧС, а он служил в воинской части.

И вот я предложил двум моим новым друзьям снимать квартиру. Они заметили нестыковку: с братом девушки мы закончили один университет, а работаем в разных ведомствах. Говорят, мы знаем историю нашей страны, кто такие филеры и как выстраиваются легенды — если хочешь жить с нами, будь честен и не лей воду. Мы взяли водку, соленья, я рассказал: так и так, наружка. Один признался: была бы ФСБ — перестал бы со мной общаться. А потом я уже приходил с работы и рассказывал истории: с чего-то ржали, с чего-то охуевали.

Рассказал еще одному другу детства из родного города, который тоже работал в МВД. Со временем я понял, что я расту дальше, а он хвастался, как его гаишники остановили за превышение скорости без ремня, а он им ксиву показал. Между нами росла пропасть.

Борис

У меня есть родственники в Украине. Им я не говорил, чем занимаюсь, а родители знали. Друзьям я тоже не говорил, по легенде, был инженер. Когда они расспрашивали, удавалось выкрутиться, но они особенно не интересовались.

Когда я уволился, рассказал об этом своей будущей жене — она удивилась: ты чего, сумасшедший? Потом и друзьям рассказал, некоторые жестко офигели. Еще из-за работы пришлось отказаться от многих компаний: с одними в футбол перестал играть, в музыкальной теме сильно просел. Прекрасно понимал, что друзьям и знакомым эта моя работа не понравится.

Как уйти из наружки

«Более интеллигентный коллектив, чем многие в МВД». — Что сотрудники ОПБ думают о политике. — Зарплата 65 тысяч рублей и перспектива стать старшим смены. — Когда полицейский увольняется, он должен вернуть МВД деньги за учебу. — Фото со стадиона и люди-роботы.

Сергей

Это более интеллигентный коллектив, чем многие в МВД, и там у людей бывают попытки сдружиться, но они провальные: люди живут на этой работе, но никто ее не любит. Был парень, я думал, ему лет сорок, а оказалось, 28 — он выглядел очень замученным. Людей дрессируют стабильным заработком.

К политике относятся по-разному. Был такой сотрудник быдловатый, например, если его подрезали, то он мог плюнуть на лобовое стекло. Но он понимал, что работа на митингах — это хуйня, Навальный говорит по делу, а Путин засиделся, и для него было ненормально, что полицейские бьют дубинками митингующих.

А другой, с которым я на митинге работал, даже не понимал, что за лозунги люди скандируют, и для него было нормально, что их могут посадить. Еще мы как-то в командировке ночевали втроем, отрабатывали контрафактный алкоголь, и у меня был день рождения; я помню, мы вдвоем третьему доказывали, что бить людей на митинге — ненормально. Он возмущался: а чего они выходят — при Путине же нормально все!

Большинство, кроме работы, мало что имеют. Один жаловался, что ему все надоело, и я спросил, а чего он сделал, чтобы в жизни что-то поменять? Он ответил: «Нет времени, после работы силы есть только с ребенком в иксбокс поиграть». Другой, устаревшая модель опера, даже увольнялся, но потом вернулся: больше он ничего не умел.

Я начал зарабатывать 62 тысячи рублей, потом — 65 тысяч, перспективы карьерного роста были: стать старшим смены, потом — оперативником по ОВД. Но у меня уже начал формироваться новый круг общения, и мне было абсолютно неинтересно после работы идти с ментами пить пиво.

Когда началась война, работа оставалась такой же. Помню только, мы сидели в машине с коллегой, он

смотрел на карту Украины на телефоне и сказал, что подбирает себе дачу под Одессой. Скоро я должен был уходить в отпуск и ехать на учебу, но поездка отменилась, так что я просто написал заявление, просидел дома отпуск, неотгулянные дни и уволился. По контракту нужно было проработать пять лет, чтобы не было долга за университет[13]. Эти деньги я одолжил у подруги и уехал из России.

Борис

У меня был больничный. Чувствую я себя хорошо, но врач меня не выписывает. Времени много. И я подумал, а не съездить ли мне в Москву на «Зенит»? Играли с ЦСКА. Я на дурачка позвонил начальнику и спросил, нельзя ли мне поехать — он ответил, что, конечно, нет. У нас же форма секретности, нужно писать рапорт, если выезжаешь, и вообще на больничном нельзя выезжать никуда. А я все равно поехал. Позже меня вызвали к заместителю начальника, он мне показал фотографии со стадиона, и тогда пришла мысль, что это роботы.

Дальше была командировка в Ленинградскую область. Я так не хотел туда ехать! У меня была неделя до отпуска, и по иронии судьбы мы там пять дней не делали ни хрена вообще: сидели в машине и смотрели в ютуб. На обратной дороге не покидала мысль: «Больше я сюда не вернусь».

Начальство отнеслось к увольнению скупо, а многие пацаны и хвалили: все говорят, что хотят уволиться, а я взял и уволился. Есть те, кто быстро уходит, а те, кто остается, обычно сидят до пенсии, до конца.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Санкт-Петербургский университет МВД.

2. Национальный центр управления в кризисных ситуациях.

3. Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

4. Постиж (от фр. postiche) — любые декоративные изделия из волос: парики, шиньоны, накладные бороды и усы.

5. Так называют оперативников, работающих открыто — с настоящими документами и под собственным именем.

6. Аппаратно-программный комплекс «Поток» распознает номерные знаки на видео с камер наблюдения.

7. Петербурженка, которую во время митинга в поддержку Алексея Навального 23 января 2021 года ударил ногой в живот полицейский.

8. Сотрудники отдела собственной безопасности.

9. Интегрированная система видеонаблюдения с распознаванием лиц, которая с 2011 года внедряется в Москве, а с 2014-го — по всей России. В 2020 году при помощи «Безопасного города» власти выявляли нарушителей коронавирусного карантина.

10. 30 июня 2020 года во время голосования по поправкам в Конституцию полицейский сломал руку корреспонденту «Медиазоны» Давиду Френкелю на избирательном участке № 2191 в Петербурге. Френкель приехал туда из-за сообщений о нарушениях.

11. На Троицкой площади Петроградской стороны.

12. Официальный талисман чемпионата мира по футболу — 2018, антропоморфная собака или волк.

13. Согласно постановлению правительства № 1465 от 28 декабря 2012 года, при расторжении контракта или увольнении по собственному желанию сотрудник МВД обязан возместить все расходы на его обучение в ведомственном вузе.